

оценить поведение их виновников, и в дальнейшем не было никакой нужды повторять однажды уже сказанное. Не приходится уж говорить о том, что в любом произведении любой эпохи мы можем при желании усмотреть такие приемы распоряжений материалом, которые, с нашей точки зрения — правильной или неправильной, — не отличаются надлежащим единством или строгой последовательностью.

Трудно также согласиться с О. А. Державиной в том, что третья часть «Летописной книги» отличается «идеиной бесхребетностью», как трудно согласиться и с мнением С. Ф. Платонова, утверждающего в своей статье «Старые сомнения», на которую О. А. Державина ссылается, что «Летописная книга» целиком повествует о событиях «Смуты», «спокойно зря на правых и виновных, не ведая ни жалости, ни гнева», что поэтическое увлечение ее автора граничит с политическим индифферентизмом и даже с сочувствием врагам-полякам.

Сама О. А. Державина в первых двух частях повести не усматривает ни политического индифферентизма, ни тем более сочувственного отношения к полякам-завоевателям. Напротив, в этих частях она отмечает патриотическую их настроенность, и тот индифферентизм, который Платонов склонен видеть во всей повести, она видит лишь в последней ее части.

Однако ни о каком индифферентизме, еще менее о сочувствии врагам-полякам применительно к последней части «Летописной книги» говорить никак не приходится. Здесь явно выступает враждебное отношение к полякам, вторгнувшимся в Русскую землю, и к изменникам-русским, им потворствовавшим. Поляки неоднократно именуется врагами, с негодованием говорится о насилиях польских войск над русскими людьми, о чинившихся ими грабежах, о плаче и рыдании москвичей, потрясенных жестокостью поляков, о заточении польским королем Сигизмундом членов русского посольства, отправившегося под Смоленск для приглашения королевского сына Владислава на русский престол. Лирическое обращение к москвичам, терпящим всякие беды от поляков, и скорбь по поводу разрушения Москвы выражены с большой экспрессией и отнюдь не шаблонными фразами, как об этом говорит О. А. Державина. С патриотическим подъемом говорится вслед за этим о воинских подвигах Прокопия Ляпунова, о деятельности Минина и Пожарского, вставших на защиту родины. С таким же подъемом сказано и о конечной победе русских войск и об освобождении Москвы, за которым последовало избрание на царство Михаила Федоровича Романова.

Из приведенных О. А. Державиной примеров на стр. 33 ее статьи только один как-то может подойти под понятие индифферентизма, якобы наблюдаемого в третьей части повести, — это наименование «крепкий и разсмотрительный воевода», по шаблону приданное польскому полководцу князю Роману Ржевусскому, как придается оно и русским полководцам. Но этого одного примера, особенно принимая во внимание только что приведенные доказательства общей патриотической настроенности, наблюдаемой в третьей части, слишком недостаточно, чтобы усматривать тут хотя бы подобие какого-либо индифферентизма. От себя добавим, что другой польский полководец Струс в третьей части повести фигурирует как «муж великие храбрости и многово разсужения» (616), но такая оценка дана ему потому, что он откровенно признает поражение польских войск и просит совета у собравшихся польских воинов, как избавиться полякам от заслуженного возмездия. Если такое признание делает человек большой храбрости и большого разума, то тем более очевидным становится крах польского нашествия и торжество русского оружия.